

Елена Степанян

Третьяковка

и другие

МОСКОВСКИЕ ПОВЕСТИ

Елена Степанян

Третьяковка

и другие

МОСКОВСКИЕ ПОВЕСТИ

3-е издание (электронное)

ПОЭМЫ, СТИХОТВОРЕНИЯ,
СКАЗКА О МЕДВЕДЕ, О ПРЕКРАСНОЙ ПРИНЦЕССЕ,
О МУДРОМ ВОРОНЕ И О ЖЕЛЕЗНЫХ БАШМАКАХ

Москва
«Геревинф»
2015

УДК 821.161.1-821

ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44+84(2Рос=Рус)6-6я44

С79

Степанян, Е. Г.

С79 «Третьяковка» и другие московские повести [Электронный ресурс] / Е. Г. Степанян. – 3-е изд. (эл.). – Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf : 297 с.). – М. : Теревинф, 2015. – Систем. требования: Adobe Reader XI ; экран 10".

ISBN 978-5-4212-0315-5

В книгу вошли помимо новых «московских повестей» ранее публиковавшиеся поэтические произведения, а также пьеса-притча «Сказка о Медведе, о прекрасной Принцессе, о мудром Вороне и о железных башмаках».

УДК 821.161.1-821

ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44+84(2Рос=Рус)6-6я44

Деривативное электронное издание на основе печатного издания:
«Третьяковка» и другие московские повести / Е. Г. Степанян. – М. : Оклик, 2010. – 293 с. – ISBN 978-5-91349-012-4

С другими произведениями Е. Г. Степанян можно познакомиться на сайтах www.proza.ru и www.stihi.ru (поиск по фамилии автора)

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации

ISBN 978-5-4212-0315-5

© Е. Г. Степанян, 2010

© «Теревинф», перевод, оформление, 2015

Содержание

I. Московские повести	5
Третьяковка	7
Из книги «Матрона Московская»	18
Вступление к поэме	19
Повесть о Дуняше	22
Царь Манассия	72
Сказание об Иннокентии Смоктуновском	109
Песня о боярыне Морозовой	126
II. Малые поэмы и стихотворения	145
Саша Таганский	147
«Шесть персонажей в поисках автора»	149
Ночь	150
Вместо жития	152
Ответ В. Д. Бонч-Бруевичу	156
Воспоминание	157
Человек из Цзоу	161
Мистер Фолуэлл в Нью-Йорке	165

Тетраптих	168
Пророк Илья	169
«Сон в красном тереме»	171
Россия	173
Реджинальд Поль	176
Диккенс. Очерк творчества	182
Каббалистические стихотворения	186
Поэт	187
Памяти Рильке	189
«Нас каббалисты учат, что земля...»	191
Отрывок	192
Рассуждение о «Манон Леско»	197
«Фьоравенти — Фьораванти...»	203

III. Сказка о Медведе, о прекрасной Принцессе, о мудром Вороне и о железных башмаках	205
Часть первая	206
Часть вторая	260

I. Московские повести

Третьяковка

Что это было?
Что это означало?
Девочка ходила в Третьяковку
Чуть не каждый день,
Порою дважды на день.
Приходила
И, для виду побродив по залам,
На скамейке перед «Мокрым лугом»
Просидеть могла хоть целый час.

Иногда она брала с собой подружку
Или сразу двух,
Чернявых и смешливых.
Долго высидеть им было трудно,
Но они старались как могли
И тоже
На Васильевский пейзаж глядели
И шептались,
Как о чем-то очень важном,
А потом все вместе уходили.

Старая смотрительница зала
Этих посещений не заметить
Не могла.
Смотрительницы залов
В Эрмитаже, Третьяковке, Лувре, Прадо
Так порой приметливы и зорки,
Так догадливы,
Хранят такие тайны,
Что иных шедевров подороже.

Но понять, что здесь происходило
Чуть не каждый день,
Порою дважды на день,
Было слишком трудно.
Люди мыслят
Прецедентами,
А этот «Мокрый луг»
Был одним-единственным на свете...

Девочка ходила и ходила...

И смотрительница потихоньку
Все же сделала попытку разобраться
В том,
Что на глазах ее творится.

И *она*, и две ее подружки
Часто приходили в школьной форме.
Но, скорей всего, они учились

Не в десятом, а в девятом классе.
Выпускнице не позволят слишком долго
Пропадать в музее,
Мама-папы
Пред лицом великого события —
Поступления в вуз —
Бывают очень строги.

Значит, это был девятый класс...
Детство не закончилось,
А юность наступила —
Самая счастливая пора.
Время расцвести и раз мечтаться
Вдаль и вширь,
И наплевать на то,
Что не сбыться ни одной мечте.

По шестнадцатому году все
Хорошеют,
Но ее краса
В этот год была
В особой, чудной силе —
На нее не пялились мужчины,
А глаза смущенно отводили.

И она, пренебрегая всем,
Дни, которым никогда не повториться,
Проводила в Третьяковке, в этом зале,
В обожании Васильевской картины.

Здесь висели все его работы —
«Виды Крыма», «Оттепель», другие...
Всё, что он успел оставить,
Сам
Навсегда оставшись двадцатитрехлетним.

Приходя и уходя,
Она
Останавливалась на какие-то секунды
Перед каждой из его картин,
Таков был ритуал —
Поздороваться и попрощаться.

Но смотрительница как-то раз,
Зал оставив ненадолго без присмотра,
Возвращалась
И ещё в дверях
Обнаружила, что девочка стоит
Не перед пейзажем,
А перед портретом
Самого Васильева,
Написанным Крамским.

Острый взгляд затылком ощутив,
Девочка отпрянула так резко,
Словно током стукнуло ее.
И четыре дня не приходила.
А на пятый день все три явились.

В этот раз они болтали громче,
Чем всегда,

На «Мокрый луг» глядели меньше,
Подходили и к другим картинам
С видом опытных искусствоведов.
И косились на смотрительницу зала.

Та, демонстративно отвернувшись,
Их не замечала.
Ей и так
Все, что можно вычислить,
Додумать,
Было хорошо о них известно.

Учатся они в английской школе
Тут поблизости,
Живут в домах советской знати,
Здесь же понастроенных —
Об этом говорили
Тонкие колечки и сережки,
Золотые, с настоящими камнями,
Обувь дорогая...
Было ясно,
Это девочки не из простых семей.

Главное неясным оставалось:
Что им дался этот «Мокрый луг»?

И пошло-поехало все то же:
Чуть не каждый день она приходит,
Иногда после уроков забегает,
Чтобы вечером засесть надолго,
А подружки пару раз еще мелькнули

И пропали вовсе.
Школьный год
Завершался.
Наступало лето.
— Неужели будет ездить с дачи?

Приезжала четко через день
До конца июля.
— А теперь, конечно,
Мама с папой повезут на юг, —
Думала смотрительница зала.
— Поглядим, что будет через месяц.

И про все это забыла напрочь.

Неожиданно войной запахло.
Все вопили о советских танках,
Раздавивших «пражскую весну»,
О каких-то новых декабристах,
Сосланных в таежные края.
По ночам с «глушилками» боролись.
Тайная добыча информации
Расцветила жизнь
Необычайно.

И хотя смотрительница зала
Свой имела взгляд на эти вещи,
Про себя она его хранила,
И во время самых жарких споров
Даже одобрительно кивала —
Как бы ни было,

Все это поднимало
Над тупым однообразием быта...

Где-то на исходе сентября
В зале Репина они столкнулись.
Старая смотрительница в зал
Торопилась свой,
А девочка спешила
В противоположном направлении.

— Я могла ее и не узнать,
Девочки меняются так быстро...
Стрижка новая,
Загар ей не к лицу...

Да, она ее бы не узнала,
Если бы не посмотрела та
Ей в глаза
Так прямо и так странно —
Раньше в сторону всегда смотрела.

День прошел,
Потом прошли недели...
И хотя смотрительница знала,
Что теперь никто уж не придет, —
Поднимая взгляд на «Мокрый луг»,
Не могла она никак привыкнуть,
Что скамейка перед ним
Всегда пуста.

Все полотна в этом зале
Для нее давно уже слились в одно,
Тонким пониманием искусства
Никогда она не отличалась,
Знала только имена —
Вот здесь Крамской,
Вот здесь Саврасов,
Вот Васильев, о котором все
Знают,
Что он страшно рано умер.

Но чтоб целый год глядеть на «Мокрый луг»!

«Оттепель» печально величава,
«Крымский лес», таинственный, тревожный...
Что такого в этом «Мокром луге»?

Вот опять Крамской. «Портрет Васильева».
Она вгляделась —
И отпрянула, едва не вскрикнув.

Да, не раз ей доводилось слышать
И читать
О безутешных душах,
Заточенных в собственном портрете.
И союзник трезвого рассудка,
Скептицизм,
Всегда его спасал
От того, чтоб этой мистике поддаться.

Но сейчас —
Рассудку не под силу
Опровергнуть
То, что происходит
На картине этой небольшой...

Кровью налиты его глаза,
Кровью и слезами.
По лицу,
Искаженному страданием,
Пробегает
Судорога боли... Боже! Боже!

Ведь она, придя сюда работать —
Много лет назад,
Знакомилась отдельно
С каждой картиной,
И портреты
Были ей во много раз милее,
Чем занудные тоскливые пейзажи...

Не могла она такого не заметить!
И Крамской не мог такого написать.

Что же здесь происходило?
Что сейчас
Происходит?
Ах, одно понятно:
Он остался,
А она — ушла.

Целый год она здесь провела.
Целый год под яростным напором
Дней волшебной отроческой силы
Отступала Времени река,
Образуя крохотную отмель —
Место их таинственных свиданий.

Эти дни иссякли.
Он остался,
А *она* ушла,
Ведь было надо
Продолжать учиться,
Начинать работать,
Выйти замуж
И родить детей.

А в соседнем зале торопили
Поздних посетителей на выход,
И пожарные бесцеремонно
Занялись проверкою объектов.
Старая смотрительница снова
Подошла к *нему*
И безотчетно
По лицу погладила рукой,
И подумала:
— Напрасно застеклили,
Без стекла ему, наверно, было б легче...

Время шло, уже гасили свет,
Был рабочий день ее окончен.
Но в дверях опять ей захотелось

Задержаться
И окинуть взглядом
Этот «Мокрый луг», слезами исходящий
О несбывшейся любви земли и неба.

Кончился ее рабочий день,
И она ушла
И больше не вернулась.

Из книги «Матрона Московская»

Вступление к поэме

По нашим грехам,
По зависти, дегтя чернее,
Спускается Ангел
В одеждах — не сыщешь беднее.

Ах, матушка-зависть!
Ну нечем тебе поживиться:
Короткие ручки и ножки,
Запали пустые глазницы.

А кабы явилась Матрона
В своем настоящем обличье,
Да разве решились бы мы
Простить ей красу и величье?

Наш мир перевернут.
И все, что нам радует сердце и взгляд,
Рукою невидимой черной
Толкает нас в ад.

Меж Богом и нами
Протиснулась некогда зависть-змея,

И ранит чужая удача
Нам душу больной,
Чем потеря своя.

Зловещая тайна —
Ее не сумел разгадать псалмопевец Давид,
Отрава, чьим привкусом
Все мирозданье горчит,
И чахнут деревья,
Дыханием зависти обожжены,
И звезды на смерть и истленье
По зависти осуждены.

Вот так и живем
В заколдованном нами же царстве.
И если погибнет оно,
Куда нам податься?
Обители света
Не примут
Завистливых-злых —
Тогда только тьма остается,
Полна скрежетаний зубовных.

Да разве забудешь, как солнце
В автобусных стеклах плескалось!
Как небо за поворотом
С озерной водою смыкалось!
Как сказочный город бежал
Навстречу тебе, как на праздник, —
И все это тьма пожрала
И воспоминаньями дразнит!..

А что еще вспомнить?
Как дети
Дразнили неловких и слабых
И как втихомолку мечтали
Унизить красивых и храбрых,
Как мать и отец разлюбили
Себя, и друг друга, и нас...

Уходит земля из-под ног...
Скрывается небо из глаз...

Все сходится.
Да, мы виновны.
Мы выбрали участь такую.
Но был же ведь Ангел на свете,
Что души погибших взыскует!

Чего же он ждет?
Или больше
Не в силах молиться о нас?

Услышь! Помоги! Пожалей!
В последний, единственный раз...

Повесть о Дуняше

I

Село Себенó
Меж высоких хлебов затерялось.
Здесь люди как люди —
Живут, как повсюду живут.
Весною цветами любят,ся,
В страду на полях надрываются,
Бранятся, милуются,
Ведают жалость,
И лютые страсти порою им души трясут.

И детство не знает,
Что кончится быстро и сразу,
Как только потянут
Бескрайней зимы холода.
Сверкают на ветках —
на каждом сучочке —
Алмазы,
А схватишь и спрячешь в ладонях —
Прольется сквозь пальцы вода.

И детство девчонок
Счастливей, чем детство их братьев, —
Оно осиянно мечтою волшебной одной:
Примчится жених на коне,
Нарядит в златотканое платье —
И прочь увезет от убогой сторонки родной.

Чем старше, чем краше девица —
Тем грезит она поскромнее.
Трезвее сердечко
У рано подросших невест.
Пускай не царевичи местные Вани и Гриши,
Но девичий сход их подробно расценит, распишет,
Соседние сёла прихватит —
Да что там соседние! —
Весь Епифанский уезд.

Одной только Дуне Носковой
При этих беседах не место —
Ну лешему впору такая невеста!
В кого уродилась — никто не поймет.
Красивые ладные парни Дуняшины братья,
Сестра ее старшая Варька
В Москве на Арбате
Не в горничных — аж в камеристках —
У барыни знатной живет.

Но если бы кто увидал,
Что в Дуняшином сердце творится,
То рот бы разинул
Иль со смеху помер, поди!

Мечта, о которой давно
Позабыли другие девицы, —
Жених несказанный,
С которым никто не сравнится, —
Живет, ото всех затаясь,
В ее бедной груди.

Да что она, Дуня, безумная что ли?
С такую-то рожей!
Шкелет настоящий,
Обтянутый темною кожей.
Да нет, не похожа она на безумную,
Надо признаться —
За что ни возьмется,
Любая работа в руках ее спорится,
Кротка и приветлива,
Сроду ни с кем не поссорится,
И страсть любит в церковь ходить —
А куда еще бедной деваться?

Да как же тогда объяснить,
Что девка — страшилище с виду —
Живет, как царевна из сказки,
Не держит на Бога обиды?
Но жизнь — это ж вовсе не сказка,
А ноша тяжелая наша...
Да кто же тебя надоумил
В такое поверить, Дуняша?
Не выдаст.

Село Себенó
И бóльшие тайны скрывает:
В избе прокопченной, курной
Матрона, девчуха слепая,
Живет —
И дивится народ
От Тулы и аж до Рязани:
С какую бедою к ней кто ни придет —
Сбываются все предсказанья!
Любые болезни целит
Движением маленьких ручек.
Со старшими, словно с детьми, говорит,
Молитве и радости учит.

А кто она? Что она?
Нет, все равно не пойдем.
А раз не пойдем,
Так зачем и вдаваться?
Ну лечит и лечит,
Так ведь все равно все когда-то умрем...
Вот если б давала богатство!

.....
.....

...Село Себенó,
По правде сказать, небогато.
Все больше здесь тех,
Кто не деньги считает, — заплаты.
Но бедность такую
Отыщешь едва ли,

Какая у Никоновых,
У Митяя с Натальей.

Когда их четвертый ребенок
Задумал родиться —
(Уж старшая дочка на выданье,
Надо ж такому случиться!) —
Судили-рядили они,
У многих просили совета,
Решили мальчонку
(Мальчонка, по верным приметам)
Отдать, как родится,
Хотя его до смерти жалко,
В сиротский приют князь-Голицына,
Тот, что в соседних Бучалках.
— Да что тут гадать, там и грамоте учат
И всяким потребным ремеслам.
Еще и спасибо вам скажет,
Как вырастет взрослым!

О Господи! Девка родится.
Да только бы это!
Она же слепая! Сле-па-я!
От грешного белого света
Сомкнутыми накрепко веками отгородилась.
Не хочет нас видеть совсем!
Ах, зачем ты на свет появилась!

Как взвоят Наталья:
— Дитя мое бедное, как же тебя я покину?
Да лучше я вместе с тобою

От голода сгину.
Я землю есть буду,
С протянутой встану рукою,
Покуда жива,
Ни за что не расстанусь с тобою.

Заплакал Митяй:
— Это нам испытанье от Бога —
Нельзя уклониться, нельзя.
Покарает Он строго.
Мы грешны и в вере некрепки,
Чего тут лукавить.
Хотим-не хотим, а придется девчонку оставить.

Вот так нежеланная гостья
У нас поселилась,
И жизнь наша дальше
Своим чередом покатилась.

.....
.....

Семь лет миновало,
И смотришь-ка, Митрий с Натальей
Не померли с голоду
(Хоть и богаче не стали),
Но Марьюшка — замужем,
Миша и Ваня работать охочи,
И — чудо! — нисколько не в тягость
Слепая им доча.

Как будто лампадка,
Зажженная перед иконой,
Улыбкою счастья сияет
Малая Матрона.
Своих и чужих привечает
С такою любовью и лаской!
И страшно Наталье самой
Того, что ей мнится порой, —
Всё видят закрытые глазки.

С детьми не играет совсем,
Вот только Дуняша заходит,
Матрющу за ручку берет
И в церковь Успенья отводит.

.....
.....

Вдруг гром среди ясного неба —
Илью под арест посадили!
(Илья — это Марьюшкин муж,
Уже и троих народили.)
— Ох, тяжкие наши грехи! —
И тут голосок раздается,
Веселый и вроде с насмешкой:
— А завтра Илья и вернется.
— Слепая, пошла бы ты спать!
— Ложимся, ложимся скорее!
Нам завтра на гүмно с утра,
И так ничего не успеем!
— А лучше совсем не ходить.
Назад побежите вы сразу!